

В уголке губ Цзи Саньмэя заиграла лёгкая улыбка, а в слегка изогнутых глазах словно скрывался острый рыболовный крючок, который только что выдернул у Шэнь Фаши крупницу души. Затем Цзи Саньмэй прыгнул вниз, без предупреждения спрыгнув с ветки дерева!

Увидев это, Шэнь Фаши словно получил удар молотом по темени. Разум и мысли мгновенно покинули его тело. Его душа застыла на месте, в то время как тело само понеслось к падающему Цзи Саньмэю, пока не обхватило его за талию и не прижало к себе. Лишь тогда душа успела онемело подбежать.

Цзи Саньмэй, улыбаясь, поднял голову, но встретил холодный взгляд Шэнь Фаши, чья душа наконец вернулась на место:

— Что ты делаешь?! Ты не дорожишь жизнью?!

А вдруг он снова не поймает его... Вдруг...

Та самая сломаннокрылая бабочка в тридцать восьмой раз упала у него на глазах.

Первые тридцать семь раз были иллюзией, этот — реальностью.

Первые тридцать семь раз он мог лишь смотреть, как человек разбивается перед ним, но в этот раз он крепко держал в руках тепло и мягкость.

Но когда человека слишком долго обманывают, он начинает сомневаться даже в реальности.

Разгневанный и подозрительный Шэнь Фаши оттолкнул Цзи Саньмэя. Тот ударился спиной о ствол дерева. Небольшая ветка, торчащая внизу, нашла уязвимое место под его лопатками и впилась в него.

Шэнь Фаши не заметил состояния Цзи Саньмэя. Его лицо позеленело, страх разорвал его способность дышать, перед глазами замелькали пугающие образы, а зрачки затянулись слоями световых кругов, заперших его самого внутри.

Ван Чуаньдэн, увидев это, резко изменился в лице. Он приложил руку к спине Шэнь Фаши и ввёл в его тело поток огненной духовной силы. В глазах Шэнь Фаши промелькнули две ослепительные красные вспышки, разбивая ещё не успевший затвердеть лёд.

Цзи Саньмэй тоже понимал, что на этот раз перегнул палку, но сейчас он болел так, что не мог вымолвить и слова.

— Маленькая ветка крепко вцепилась в его плоть и сломалась внутри.

Он опёрся спиной о дерево, ноги дрожали от боли, и он с трудом выдавил из себя:

— Учитель, прости.

В горле Шэнь Фаши прокатился тяжёлый вздох, и его разгневанная душа наконец успокоилась.

Цзи Саньмэй стоял, прислонившись к дереву, пристально глядя на него, и с трудом поднял руки:

— Учитель...

Увидев его в такой позе, Шэнь Фаши словно пробился сквозь густой туман времени и увидел

другого маленького ребёнка.

Он держал за руку другого ребёнка, выходя из роскошного королевского города Чжуинь.

Оба были в белых траурных одеждах, с распущенными волосами. Младший ребёнок плакал, его глаза были красными, а он сам, держа его за руку, шёл прямо и чинно, глаза его горели, словно у сына небесного императора с благородной кровью.

Когда они вышли за ворота королевского города, оставив позади удушающую роскошь, на плечи ребёнка внезапно обрушилась целая гора Тайшань. Его дух с невероятной скоростью рассыпался в прах, колени подкосились, и он рухнул на землю.

Младший ребёнок заплакал ещё сильнее, а Цзи Саньмэй не мог выдавить ни слезинки. Напрягая колени, он поднялся, сжал в ладони холодную маленькую руку:

— Не бойся. Лючэнь, не бойся. Я здесь, старший брат здесь.

Едва он произнёс эти слова, гора на спине снова придавила его к земле.

Он снова попытался встать:

— Не бойся, Лючэнь...

Маленький ребёнок то вставал, то падал. То спокойствие, что он сохранял в королевском городе, было изрезано в клочья острым лезвием — потерей отца. Но он был скуп, вложив последние остатки мужества в своего младшего брата.

Шэнь Фаши хотел шагнуть вперёд, но тело его было приковано к месту.

А в то время он, маленький Шэнь Фаши, как раз проходил мимо. Он был одет в чёрные одежды и сапоги и приблизился к двум братьям, упавшим в пыль.

Цзи Саньмэй, дрожа, кое-как удерживался на коленях. Его глаза были затуманены, и он едва мог разглядеть, что перед ним человек.

Неважно, кто это был, неважно, кто пришёл...

Одной рукой он прикрыл глаза маленькому брату, а другой ухватился за край одежды Шэнь Фаши. Его голос был наполовину водой, наполовину огнём.

Огонь был для Шэнь Фаши. Он выговаривал каждое слово, словно высекая искры:

— Моего брата... отведи моего брата домой...

Вода была для Цзи Лючэня. Шэнь Фаши никогда не знал, что человек может говорить так нежно, словно бережно держа кого-то на кончике языка:

— Лючэнь, брат хочет немного поспать... поспи со мной...

Сказав это, Цзи Саньмэй потерял сознание, а Цзи Лючэнь, с закрытыми глазами, тупо ответил:

— Угу.

Маленький Шэнь Фаши, волоча двух слишком больших для него обуз, безропотно отнёс их

домой.

Так состоялась первая встреча Шэнь Фаши с Цзи Саньмэем, и с тех пор эти двое братьев не давали ему покоя.

А теперь, увидев Цзи Саньмэя, раскинувшего руки и сдавшегося, гнев Шэнь Фаши будто залили ушатом ледяной воды — остался лишь лёгкий дымок.

Сердце Шэнь Фаши растаяло, но лицо он сохранил суровое, подобающее магу:

— Ушибся?

Цзи Саньмэй:

— Умираю от боли.

Шэнь Фаши подумал, что он шутит.

Лишь когда Цзи Саньмэй беспомощно начал медленно сползать по стволу на землю, он осознал неладное. Стремительно бросившись вперёд, он подхватил Цзи Саньмэя, и, коснувшись его спины, почувствовал на ладони кровь.

Малыш лежал у него на коленях, слишком больно, чтобы свернуться, но язык его по-прежнему был остёр:

— Учитель, правда больно... нужно поцеловать, чтобы прошло.

Шэнь Фаши был одновременно зол и растроган. Он обернулся и крикнул:

— Чанъань!..

Не дожидаясь команды, Чанъань принял Цзи Саньмэя из его рук. Этот добрый трёхлетний ребёнок, едва ощутив ветку, впившуюся в плоть Цзи Саньмэя, готов был расплакаться.

Шум, который они устроили, был немалым. Хотя многие в округе из-за нечисти сторонились дома Сюя, любопытство взяло верх, и люди начали выглядывать.

Из ближайших ворот вышла миловидная женщина средних лет. Время лишило её гладкой и нежной кожи, но взамен подарило ей очарование. Она вытянула шею, обмахиваясь веером, просто чтобы посмотреть на суматоху. Но, разглядев группу людей, устроивших переполох у ворот дома Сюя, она переменялась в лице, круто развернулась, юркнула в дом и с неожиданной силой в тонких запястьях вынесла ведро с водой для стирки.

Чанъань всецело был поглощён раной Цзи Саньмэя, Ван Чуаньдэн пристально следил за состоянием Шэнь Фаши. Никто не ожидал, что на пути возникнет эта «Чэн Яоцзинь» с ведром. Вода обрушилась на голову Чанъаню, обнимавшего Цзи Саньмэя:

— Цзи Саньмэй! Негодяй! Чудовище! И как ты посмел вернуться!

Авторское примечание:

Цзи Саньмэй: Сильный человек не нуждается в объятиях.

Шэнь Фаши нежно поцеловал его.

Цзи Саньмэй: К чёрту силу, мне нужны объятия!

Чанъань, застигнутый врасплох, промок до нитки, как и раненый Цзи Саньмэй.

Мысли Цзи Саньмэя пронеслись сквозь пространство и время, в мгновение ока обойдя прошлую жизнь.

Сделав быстрый анализ, он на долю секунды решил задачу с тремя вариантами, скользнув взглядом по Шэнь Фаши, Чанъаню и Ван Чуаньдэну, и ловко бросил взгляд на Ван Чуаньдэна. Затем он расслабил мышцы плеч, что потянуло ветку, вошедшую в его тело более чем на два цуня, и вырвало у него слёзы:

— Больно...

Женщина, пришедшая в ярости, оставила рассудок где-то позади. Услышав, как Цзи Саньмэй плачет от боли, крупницы разума понемногу вернулись к ней. Она стояла с ведром, брови её были грозно нахмурены, а тонкие морщинки-«законы» у рта напряглись.

Ван Чуаньдэн уловил намёк за мгновение и шагнул вперёд:

— Погодите, госпожа, не уходите.

Женщина, собиравшаяся продолжать допрос, в одно мгновение оказалась в образе скандалистки, пытающейся сбежать после сцены.

Слёзы Цзи Саньмэя катились по лицу, вызывая жалость:

— У-а-а...

Не говоря уже о том, защемило ли у женщины совесть, Чанъань уже был растроган до глубины души. Не обращая внимания на свою мокрую одежду, он принялся вытирать рукавом слёзы Цзи Саньмэя:

— Не плачь, не плачь же.

<http://bllate.org/book/16281/1466146>